

Но он уже спустился, и взгляд Чжоу Яня, сидящего на диване, устремился на него. Лицо старшего брата было мрачным, и Чжоу Цзюнь был уверен, что если бы это происходило не в особняке Юн, чашка в руке брата уже бы полетела в него.

Юн Цзинь сидел на диване справа от брата, и они оба сразу увидели его. Он даже встал и направился к нему, с излишне тёплой улыбкой на лице:

— Осторожнее, раны ещё болят?

Выражение лица Чжоу Цзюня стало странным, но Юн Цзинь не обратил на это внимания, уже поддерживая его, словно беременную женщину, обхватив за талию и руки, будто собираясь снести его с лестницы. Чжоу Цзюнь неохотно попытался оттолкнуть руку Юн Цзиня, но безуспешно. Ему пришлось позволить себя провести до дивана, под пристальным взглядом брата.

Юн Цзинь, казалось, не чувствовал напряжения. Он обратился к брату:

— Хотя я всегда уважал господина Чжоу, но на этот раз Цзюнь пострадал, выйдя из дома Чжоу, что меня очень беспокоит. Я забочусь о Цзюне и не хочу, чтобы он получил ни царапины, поэтому надеюсь, что господин Чжоу сможет понять меня.

Чжоу Янь усмехнулся:

— Где мне не понимать, генерал-майор Юн, вы уж слишком заботитесь о делах моего дома.

Чувство себя как на иголках — эти четыре слова идеально описывали состояние Чжоу Цзюня. Взгляды Юн Цзиня и брата были полны скрытой угрозы, и он, сидя между ними, вдруг понял, как глупо было говорить о невестке.

Чжоу Янь смотрел на своего глупого брата, сидящего рядом с Юн Цзинем, с ранами на лице и в явно не своей одежде, и его лицо становилось всё мрачнее. Чжоу Цзюнь благоразумно подвинулся, отдалившись от Юн Цзиня.

Самым спокойным в этой ситуации был, конечно, генерал-майор Юн, находящийся на своей территории. Он поднял фарфоровую чашку, сделал глоток чая и неспешно произнёс:

— Господин Чжоу, в некоторых делах, ради Цзюня, я, разумеется, не откажу вам в помощи.

Чжоу Янь выглядел крайне недовольным, но сухо поблагодарил и заявил, что отвезёт своего непутевого брата в больницу для осмотра, чтобы больше не беспокоить в особняке Юн.

Когда они встали, чтобы уйти, Юн Цзинь снова заговорил:

— Господин Чжоу, в этом деле с Цзюнем вы должны знать, кто за этим стоит.

Чжоу Цзюнь вздрогнул, посмотрев на брата. Тот обернулся, но не на него, а к Юн Цзиню:

— Не трудитесь, генерал-майор.

Чжоу Янь взял брата за запястье, но с удивлением почувствовал сопротивление.

Взглянув на лицо брата, он увидел в его глазах обиду и сомнение. Чжоу Янь нахмурился и низко, но резко сказал:

— Поговорим дома!

Но разговор не заставил себя ждать, и уже в машине Чжоу Цзюнь с серьёзным лицом настойчиво спрашивал:

— В чём дело?

Брат молчал, явно не собираясь ничего объяснять.

Чжоу Цзюнь вздохнул:

— Брат, не знаю почему, но этот Юн Цзинь вьётся вокруг меня целыми днями. Если я ни черта не знаю, меня однажды используют как пушечное мясо, понимаешь...

Не успел он закончить, как Чжоу Янь шлёпнул его по голове. Чжоу Цзюнь громко вскрикнул:

— Ты мне брат или нет? Я весь в ранах, а ты ещё и бьёшь меня!

Чжоу Янь усмехнулся:

— Я тебе не брат, ступай к своему Юн Цзиню в братья. Ещё «Цзюнь-цзюнь»? Видать, у вас отношения неплохие.

Чжоу Цзюнь тут же выпрямился:

— Нет-нет, у меня только один брат — ты. Юн Цзинь и рядом не стоял.

Кажется, не желая продолжать шутки, Чжоу Янь долго молчал, прежде чем заговорить:

— Юн Цзинь хочет ударить по нашему бизнесу. Месяц назад на причале я получил информацию и заранее подготовился. Он потерял там немало людей, так как ты думаешь, он будет доброжелательно относиться к семье Чжоу, а тем более к тебе?

Чжоу Цзюнь уже предполагал, что здесь замешано что-то грязное, но не знал точно, что именно. Услышав это, он осторожно спросил:

— Это связано с опиумом?

Чжоу Янь холодно хмыкнул:

— Тот самый Юн Цзинь, лишь только получил в руки часть военной власти, захотел всё вычистить изнутри и снаружи. Сейчас какой солдат не курит опиум? Озаботился подчинёнными, теперь хочет перекрыть источник. Разве легко это уладить? К тому же, начальство всегда смотрело на это одним глазом, а он тут со своей принципиальностью вылез.

Услышав эти слова, Чжоу Цзюнь почувствовал странную тяжесть. Он посмотрел на брата:

— Брат, опиум — это зло. Ты задумывался, почему англичане продают его нам, а сами не курят?

Чжоу Янь смотрел вперёд, машина всё так же покачивалась на ходу, лицо брата оставалось озабоченным, казалось, он давно не смеялся. К Чжоу Цзюню он относился с неподдельной серьёзностью. Чжоу Янь сказал:

— Этот огромный дом Чжоу не сможет удержаться на старых доходах. С тех пор как иностранцы привезли свои удобные, красивые, модные и интересные вещи, народ перестал покупать старое. Наши шёлка, винодельни, торговля — с каждым годом всё хуже. Я не могу... не могу позволить семье Чжоу прийти в упадок на моих глазах.

Чжоу Цзюнь никогда не интересовался делами семьи, он не знал, насколько тяжела ситуация. Он всё ещё был тем беззаботным молодым господином, пока его брат не произнёс, словно вздох:

— Разве я не знаю, что опиум — это зло, но семью Чжоу, и твою невестку тоже, я должен защищать, пока есть силы.

Он посмотрел на своего брата, и в груди у него словно застрял комок, кислый и тяжёлый. Тогда он с чувством позвал:

— Брат...

Нос щипало. Чжоу Янь усмехнулся, глядя на него:

— Поэтому я и говорил тебе держаться подальше от него. Ты слушаешь?

Чжоу Цзюнь тут же замолчал. Он думал, что если Юн Цзинь захочет его найти, он не сможет этому помешать. Он, как бесправный мотылёк, не мог понять, зачем Юн Цзинь так настойчиво к нему пристает. Он лишь сказал:

— Брат, я постараюсь не быть обузой для семьи.

Чжоу Янь тоже не возлагал на него больших надежд:

— Просто веди себя хорошо, не создавай проблем. Если что-нибудь, я отправлю тебя за границу.

Чжоу Цзюнь вернулся в страну меньше двух лет назад и не хотел снова уезжать. Брат закрыл глаза, откинувшись на спинку сиденья. Чжоу Цзюнь снова почувствовал, что что-то не так. В конце концов, он так и не узнал, кто именно напал на него сегодня.

Судя по словам Юн Цзиня, это были люди, которых знал брат. Думая о Юн Цзине, молодой господин Чжоу, только что получивший воспитание от своего брата, чувствовал себя виноватым и даже не думал о любовных делах. Тем более, после того как Юн Цзинь разыграл эту сцену перед братом, он не был настолько глуп, чтобы не понять, что его используют как пешку в игре против семьи Чжоу.

На душе было тяжело, Чжоу Цзюнь подпер щеку рукой, глядя в окно машины, но ничего не видя. Чжоу Янь не повёз его в больницу, а отвёз в квартиру, пообещав прислать частного врача. Чжоу Цзюнь, держась за дверцу, сказал, что это не нужно, у него действительно нет серьёзных ран. Только он потерял свой немецкий пистолет, который носил для самообороны, и ему нужно будет найти время, чтобы зайти в дом Чжоу за новым.

Дома няня ахала и охала, видя его раны, сварила для него несколько яиц и объясняла, как их прикладывать. Чжоу Цзюнь катал горячее яйцо по лицу, глядя в зеркало и думая, что с такой внешностью он теперь не сможет ходить на свидания.

Он приказал няне, чтобы на любые звонки она отвечала, что его нет дома, и когда он вернётся

— неизвестно.

Проведя несколько спокойных дней дома, к пятнице Юн Цзинь так и не позвонил, и Чжоу Цзюнь подумал, что их договорённость о кино, вероятно, сорвалась.

Он не чувствовал особого разочарования, возможно, всё ещё немного обижаясь на действия Юн Цзиня. Это была всего лишь игра, и тот, кто принимал её всерьёз, проигрывал. Юн Цзинь был как любимые персиковые пирожные Чжоу Цзюня: даже если он и скучал по вкусу, он боялся последствий аллергии.

Эх, сладкие и мягкие персиковые пирожные, холодный и безжалостный генерал-майор Юн. Чжоу Цзюнь вздохнул, с силой откусив кусок шоколада. Наслаждаясь сладостью во рту, он болтал ногами, свесив их с подлокотника дивана. Холодный зелёный камень ударялся о его лодыжку, словно чьи-то пальцы нежно постукивали по ней.

В полудрёме он уснул на диване, сон был глубоким, и он не помнил, что ему снилось. Когда он открыл глаза, на улице уже стемнело, и в комнате мягко горел свет. Проснувшись, он был в полусне, молодой господин Чжоу свернулся калачиком на диване, затем потянулся, высоко подняв руки.

Он долго ворчал, прежде чем окончательно проснуться и приподняться. И тут он от испуга чуть не свалился с дивана.

На противоположном кресле сидел человек, держа в руках книгу. На нём была строгая военная форма, а на столике рядом с лампой лежал длинный кнут и коробка шоколада, из которой он успел откусать.

<http://bllate.org/book/16825/1547267>